

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 86–90

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 86–90

<https://bonjour.sgu.ru>

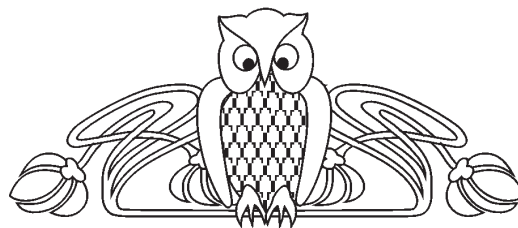
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-86-90>, EDN: LVYALK

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929Сорокин

Китаизмы Владимира Сорокина в романе «Голубое сало»

Юй Линхун

Российский университет дружбы народов (РУДН), Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Юй Линхун, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, yu_linghong@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-2461-8318>

Аннотация. В статье обсуждаются китаизмы, появляющиеся в романе «Голубое сало» Владимира Сорокина. В романе присутствует аллегория на русский язык будущего. Большая часть неологизмов, созданных Сорокиным в «Голубом сале», происходит из иностранных слов, в том числе включая обилие китаизмов. Автор статьи анализирует используемые китаизмы в фонетическом и семантическом аспектах, указывает на ошибку в произношении Сорокина при использовании китайских слов и выражений. Более того, автор подчеркивает слово «Мэй Го», которое в китайском языке обозначает США, и слово «Хэй Лун цзян» – провинция в КНР, или река Амур, протекающая по территории трех государств. Сорокин нарочно меняет их толкование в конце романа на «прекрасную страну» и «реку Черного дракона», создавая нормальную атмосферу антиутопического общества, лишённого геополитических границ. Сорокин вводит в роман слово «даньхуан», которое в романе обозначает русского человека прокитайской ориентации, что напоминает китайские сленги «человек-банан» и «человек-яйцо» с позиции транскультурного распространения. Таким образом, в процессе исследования автор ставит сравнение китаизмов с другими используемыми в романе иноязычными словами. Употребляя китаизмы в качестве ругательств, Сорокин буквально совершает языковое насилие. Заключительный вывод состоит в том, что китаизмы можно рассматривать в качестве продукта пересечения цивилизаций, которые появляются в русскоязычном художественном тексте. Кроме того, китаизмы вместе с другими китайскими элементами придают роману мистичный восточный колорит и абсурдный оттенок.

Ключевые слова: В. Сорокин, «Голубое сало», китаизм, варваризм, транскультура

Для цитирования: Юй Линхун. Китаизмы Владимира Сорокина в романе «Голубое сало» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 86–90. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-86-90>, EDN: LVYALK
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Chinese loanwords in the novel *Blue Lard* by Vladimir Sorokin

Yu Linghong

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

Yu Linghong, yu_linghong@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-2461-8318>

Abstract. The article discusses the Chinese loanwords that appear in the novel *Blue Lard* by Vladimir Sorokin. The novel contains an allegory of the Russian language of the future. Most of the neologisms created by Sorokin in *Blue Lard* come from foreign words, including an abundance of Chinese loanwords. The author of the article analyzes the Chinese loanwords from the point of view of phonetics and semantics, points out the mistakes in pronunciation in the novel, when Sorokin uses Chinese words or expressions. The analysis also focuses on the aesthetics of the word “Mei guo”, which by pronunciation in Chinese refers to the United States, and the word “Hei long jiang” – as one of the provinces in China, or the Amur River, flowing through the territory of three countries. Sorokin purposely changes their interpretation at the end of the novel to “beautiful country” and “Black Dragon River” in order to create the normal atmosphere of a dystopian society devoid of geopolitical boundaries. Sorokin introduces the word “dan huang”, which in the novel refers to the pro-China Russians and resembles the Chinese slangs “banana-man” and “egg-man” from the position of transcultural distribution. Moreover, in the course of the research, the author provides a comparison of Chinese loanwords with other foreign-language words used in the novel. By using Chinese loanwords as swear words, Sorokin literally commits linguistic violence. The final conclusion is that Chinese loanwords can be seen as a product of the overlap of cultures, which appear in the Russian-language fiction text. In addition, the Chinese loanwords with other Chinese elements give the novel a mystical oriental flavor and an absurd tone.

Keywords: Vladimir Sorokin, *Blue Lard*, Chinese loanwords, barbarism, transculture

For citation: Yu Linghong. Chinese loanwords in the novel *Blue Lard* by Vladimir Sorokin. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 86–90 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-86-90>, EDN: LVYALK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Роман «Голубое сало», написанный в 1999 г. и выпущенный на рубеже тысячелетий, принес Владимиру Сорокину большой коммерческий успех и сразу вызвал огромный критический отклик и ожесточенную полемику в обществе. По мнению Д. Смирновой, «если вы читали любой другой роман Сорокина – то “Голубое сало” вы можете спокойно не читать. Зная логику Сорокина, легко угадываются ходы» [1]. Е. Петровская полагает, что «Голубое сало» «не роман», а «набор статичных сцен» [2]. Тем не менее нельзя не признать, что это роман с «многослойной структурой текста» [3].

«Голубое сало» начитается с интимного письма от «биофилолога» Бориса Глогера, написанного якобы в 2068 г. С учетом времени, происходящего в романе, письмо наполнено «языком будущего» [4]. «Речь персонажей включает старославянизмы, фразы на идише, французском и немецком языках, а люди будущего говорят на особом жаргоне, изобилующем китайскими словами и русским матом» [5, с. 207]. «Отнесение действия в будущее позволило писателю уснастить текст значительным количеством авторских неологизмов и окказионализмов, имитируя естественное обновление языка с течением времени» [6, с. 125]. По мнению Д. Голышко-Вольфсона, «никакого аналога таким новаторским языковым играм в русской прозе, пожалуй, не наблюдается» [7, с. 78].

Большая часть неологизмов, созданных Сорокиным в «Голубом сале», происходит из иностранных слов, включая англицизмы, германизмы, галлицизмы и, конечно, китаизмы. В конце романа Сорокин включил словарь с толкованиями китайских слов и выражений, употребляемых в тексте. Поскольку в «Голубом сале» используется обилие китаизмов, мы выбираем список с толкованием китайского языка в конце романа в качестве главного объекта исследования в этой статье, из чего можно сделать вывод: большинство китаизмов, используемых в «Голубом сале», передаются с помощью транслитерации через кириллицу по произношению, а не являются результатом буквенного состава китайского фонетического алфавита. В анализе 66 китайских слов и выражений в словаре в конце романа создается впечатление, что все китаизмы, написанные кириллицей, совпадают с произношением в китайском языке, и половина из них (32) не соответствует китайскому фонетическому алфавиту. Например, если в китайском «гнусный» – это «бэбидэ», то в романе – «бейбудиди»; «слишком» – по-китайски «гофэнь», а в романе – «гаофэнь»; «Шуйляо» – «пойло для скота» в романе, тогда как в китайском это «сыляо».

Как было указано, в «Голубом сале» еще есть заимствования из других иностранных языков. Интересно, что в романе присутствуют данные в оригинале без транскрипции англицизмы, германизмы, галлицизмы и латинизмы. Причиной является то, что китайский язык принадлежит к иероглифической системе записи. В отличие от других языков в романе, у китайского языка еще есть своя письменность, которая совсем не связана с его фонетикой. Следовательно, не трудно понять, почему все китайские слова или выражения даны только в кириллической транскрипции, а не в виде письменности. Это в определенной степени доказывает мнение М. Марусенкова, что «фонетический облик новых слов явно интересует Сорокина больше, чем их семантика» [8, с. 223].

Помимо этого, Сорокин дает две интерпретации, которые в тексте упрощаются до буквально-го перевода: «Мэй го – прекрасная страна», «Хэй Лун цзян – река Черного дракона». Как имена собственные в китайском языке слова «Мэй го» и «Хэй Лун цзян» имеют другое значение: Мэй го – США, а Хэй Лун цзян – это провинция в КНР или река Амур, которая протекает по территории трех государств – России, Монголии и Китая.

Как известно, в 1990-е гг. в стране, где писатель родился и жил, произошли большие изменения по многим направлениям, в том числе и «наплыв» разнообразной культуры из-за рубежа. На этом фоне в «Голубом сале» используется обилие неологизмов. Интересно наблюдать, что из этих неологизмов большую часть занимают китаизмы и кальки из китайского, а не другие макаронизмы, как англицизмы, германизмы или галлицизмы, которые были более широко распространены тогда в России. По сравнению с другими иностранными языками, о китайской культуре и заимствовании китайского языка россияне узнают благодаря общению с китайскими эмигрантами, большая часть которых занимаются мелким или средним бизнесом. Важным источником является кухня, отсюда много слов связано с китайскими блюдами. С. Соколов в одной статье описывает популярность китайских блюд в России: «Основными блюдами заведения стали паровые пельмени (которые часто называют «димсамами») и паровые булочки бао» [9]. Кроме этого, других культурных обменов было очень мало. Тем не менее, если учитываем политические и экономические факторы, нельзя не отметить, что Китай в качестве второго социалистического государства после Советского Союза, опираясь на его экономический опыт, добился больших успехов в развитии экономики. Сорокин в своем раннем творчестве старался уходить от политических или геополитических оценок

и акцентов. Как сам признался, он «сформировался как литератор в московском андерграунде, где хорошим тоном считалась аполитичность» [10]. И этот факт является причиной одного любопытного явления в романе: в одном и том же контексте два географических названия, относящихся к совершенно разным источникам, меняются, например, «Мэй го» и «Хэй Лун цзян». Это сближение в конечном счете указывает на нормальную атмосферу антиутопического общества, лишённого геополитических границ.

Еще один любопытный пример – слова, указывающие на пересечения цивилизаций: слово «даньхуан». Сорокин следующим примером феномена межкультурного взаимодействия интерпретирует его в словаре: «Даньхуан – желток (кличка русского прокитайской ориентации)» [11, с. 297]. В Китае есть похожее сленговое выражение – 鸡蛋人 (букв.: «человек-яйцо»), которое появилось в 90-е гг. XX в. в связи с богатыми культурными обменами между Китаем и Западом и широко используется работниками в области СМИ, образования и культурной коммуникации. Понятие «человек-яйцо» обозначает людей белой расы, которые с детства живут в азиатских странах или долгое время учились или работают в Китае, имеют высокий уровень владения китайским языком и знают его культуру. Как указывает китайский ученый Ван Чжэньдин, у них азиатские привычки, образ мышления и моральные нормы, они не знают или мало знают «о культуре, традициях и историческом прошлом своей собственной страны» [12, с. 77]. В настоящее время понятие «человек-яйцо» в Китае относят к «иностранцам, которые долгое время находятся в Китае, любят и изучают китайскую культуру» [13].

Схожую функцию имеет и другое сленговое выражение – «человек-банан», которое первоначально означало «китаец американского происхождения». Сейчас «человеком-бананом» называют и молодых китайцев, родившихся и выросших за границей, включая тех, кто учился там с детства и прожил многие годы за рубежом. Как указывают в одной статье, «желтая оболочка снаружи, белая суть внутри» (黄皮其外、白瓤其内), «желтая кожа, белое сердце» (黄皮白心) – так характеризуют «человека-банана». Также называют «человеком из щели», «слепцом или неграмотным китайцем» (夹缝中的人, 中文盲, 边缘化) [14]. В общем, теперь «человек-банан» – это метафора, используемая в Китае для высмеивания молодых китайцев, которые забыли свой родной язык и свою родину. Таким образом, по сравнению с контекстом, где употребляется сленг «человек-банан» в Китае, когда выражение

«человек-яйцо» используется на Западе или в России, будет ли оно также иметь иронический подтекст? Учитывая, что роман «Голубое сало» был написан в конце 1990-х гг. и опубликован почти в то же время, когда появилось понятие «человек-яйцо», мы считаем, что писатель сослался на китайские выражения «человек-яйцо», «человек-банан» и изобрел свое – «даньхуан», переведенное на русский как «желток» в качестве «клички русского прокитайской ориентации».

Наше исследование насчитывает в «Голубом сале» более 60 китайских слов и выражений. Встречаются даже полные предложения, например «Цзюцзин нинь шэмма шихоу нэн чжуаньбэйхао ни?» [11, с. 25] (И когда вы будете готовы?). В частности, слова «Нимада» (мать твою), «Хушо бадао» (чушь), «Пеньтань» (тупой), «Лаовай» (чужак) используются довольно часто. Обнаружено, что китаизмы в тексте в основном употребляются как ругательства. На примере четырнадцати интимных посланий Бориса Глогера слово «Нимада» употреблено 23 раза, «Лаовай» – 15 раз, «Сяочжу» (поросенок) и «Шагуа» (дурак) – 8 раз, «Пеньтань» (тупой), «Сяотоу» (воришка) – 6 раз, «Байчи» (идиот), «Лянмяньпай» (двурушник), «Хуайдань» (мерзавец), «Хушо бадао» (чушь) – 5 раз. Перемежается в романе и немало вульгарных слов, заимствованных из китайского: «Сяобень» – срать, «Табень» – срать, «Гаовань» – яйца (мужск.), «Гунмынь» – задний проход и т.д. Они обычно употребляются в сочетании со словом «рипс», под которым в романе подразумевается «международное ругательство» [11, с. 299].

Обилие китайских слов и выражений, используемых в тексте, затрудняет чтение. Почему же Сорокин в своем романе так широко употребляет китайский язык, который он не понимает так хорошо, как немецкий и английский? В тексте есть такое предложение: «Бэйбиди сяотоу, кэчиди лянмяньпай, чоуди сяочжу, кэбиди хуайдань, рипс нимада табень!» [11, с. 19]. По мнению М. Марусенкова, «непривычно звучащие китаизмы в функциональном отношении вплотную приближаются к фонетической зауми» [8, с. 224]. Мы согласимся с этим взглядом. Во-первых, все китаизмы в «Голубом сале» даны в кириллической транскрипции в контексте без объяснения, и толкование этих слов появляется только в конце романа, что затрудняет чтение. Во-вторых, в китайском языке существует определенный порядок слов в предложении, который помогает восприятию смысла. Сорокин разрушает нормальную логику построения фразы: «Бэйбиди сяотоу, кэчиди лянмяньпай, чоуди сяочжу, кэбиди хуайдань, рипс нимада

табень!» Здесь имеет место исключительно нагромождение ругательных китайских слов, из-за чего невозможно сформировать самую простую логическую структуру предложения. Таким образом, хаотичное использование китаизмов усиливает какофонический характер в сочетании с вымышленным словом «рипс», которое обозначает международное ругательство в мире будущей России. Когда мы говорим о поэтике Сорокина, трудно обойтись без элемента насилия. На этой основе мы считаем, что ругательные китайские слова со словом «рипс» в романе также используются для совершения языкового насилия с тоталитарностью, что заставляет людей терять свою индивидуальность. Как указывает в одном интервью Сорокин: «Текст – очень мощное оружие. Он гипнотизирует, а иногда просто – парализует» [15, с. 651].

Вспомним, что действие в «Голубом сале» начинается 2 января 2048 г., поэтому это фантастический роман с «футуристической» поэтикой. Таким образом, заимствование китаизмов и других иностранных языков в русском языке в нарисованном мире будущего соответствует динамичному процессу языкового развития. Помимо этого, обилие использования китаизмов придает тексту экзотический характер. Вместе с другими азиатскими элементами, такими как тибетские медицинские термины (названия болезней – скран, римс, гланг-тхабс, рмен-бу, древний трактат по тибетской медицине «Чжуд ши»), привычные китайские элементы (ткань китайского производства, Великая Китайская стена, китайский чайный столик, китайская ваза и т.д.) создают интенсивный восточный колорит. Вкрапленные элементы китайского языка и другие варваризмы вместе с их использованием в контаминации являются результатом авторской языковой игры, что приводит к отстраненности текста и неожиданно добавляет юмористический эффект в текст.

Увлечение китайской культурой также является одной из причин многочисленных упоминаний китайского языка в «Голубом сале». В одном интервью Сорокин рассказал, что он «с юности интересуется китайской культурой, прочитал такие китайские классические произведения, как “Речные заводы”, “Путешествие на Запад” и “Сон в красном тереме” и т.д. Также интересовался китайской поэзией и философией. <...> Китай оказал большое влияние на мировую культуру» [16, с. 10]. В другом интервью он отметил, что после публикации «Голубого сала» еще побывал в Китае: «И мне рассказали любопытную вещь, что на северо-западе Китая живут этнические русские, которые общаются между собой, пи-

шут китайские слова кириллицей» [17]. Кроме романа «Голубое сало», китаизмы существуют и в таких последующих произведениях Сорокина, как «День опричника», «Сахарный Кремль» и «Метель».

Все вышесказанное доказывает, что китаизмы и китайская культура играют важную роль в понимании художественного мира писателя в «Голубом сале». Китаизмы, которые появляются в русскоязычном художественном тексте, можно рассматривать в качестве продукта пересечения культур. В отличие от других используемых иноязычных слов, китаизмы употребляются как ругательства, а это, по нашему мнению, является языковым насилием. Более того, китаизмы вместе с другими китайскими элементами придают роману восточный колорит и абсурдный оттенок. Заимствование китаизмов и слов из других языков проходит через творчество Владимира Сорокина. Как можно заметить, пересечение межкультурных феноменов в одном пространстве также является особенностью художественного мира писателя.

Список литературы

1. Смирнова Д. Плохой хороший Сорокин // Афиша. 2001. URL: <http://old.guelman.ru/slava/writers/sor2.htm> (дата обращения: 14.08.2020).
2. Петровская Е. Голубая вата // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 416–417.
3. Генис А. Страшный сон как подсознание русской литературы // Общая газета. 1999. № 27. С. 10.
4. Сорокин В. «Мне не грозят какие-либо премии» : интервью // НГ Ex Libris. 1999. № 12. С. 1.
5. Липовецкий М. Голубое сало поколения, или Два мифа об одном кризисе // Знамя. 1999. № 11. С. 207–215.
6. Марусенков М. Абсурдопедия русской жизни Владимира Сорокина. Заумь, гротеск и абсурд. СПб. : Алетей, 2012. 304 с.
7. Гольинко-Вольфсон Д. Владимир Сорокин // Художественный журнал. 2000. № 28–29. С. 78–79.
8. Марусенков М. П. Заумный язык в романе Владимира Сорокина «Голубое сало» как средство отражения социокультурной ситуации в России 1990-х годов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 1. С. 222–226.
9. Соколов С. В гостинице на Ленина открылась первая в Новосибирске китайская «димсамочная». URL: <https://ngs.ru/text/food/2018/11/05/65576971/> (дата обращения: 05.11.2018).
10. Сорокин В. Темная энергия общества : интервью журнала Spiegel с Владимиром Сорокиным. URL: <https://srkn.ru/interview/spiegel.shtml> (дата обращения: 29.01.2007).

11. Сорокин В. Собр. соч. : в 3 т. М. : Ad Marginem, 2002. Т. 3. 814 с.
12. 王振顶, 汉语国际传播界新词语:“香蕉人”“芒果人”和“鸡蛋人”[J]. 渤海大学学报: 哲学社会科学版, 2016, 38(4): 76–80页 (Ван Чжэньдин. Новые слова в китайском СМИ: «человек-банан», «человек-манго» и «человек-яйцо» // Журнал Бохайского университета. Философия и социальная наука. 2016. Т. 38, № 4. С. 76–80).
13. 陆春艳, “香蕉人”血脉烙中国印 情迷中华文化诞“鸡蛋人” (Лу Чуньянь. В «человеке-банане» ген китайской нации, и «человек-яйцо» появляется из любви к китайской культуре). URL: <https://www.chinanews.com.cn/hr/hr-mzhrxw/news/2009/06-26/1750349.shtml> (дата обращения: 26.06.2009).
14. 鸡蛋人 («Человек яйцо» как разновидность лаовая в Китае). URL: <https://magazeta.com/jidanren> (дата обращения: 18.11.2018).
15. Рассказова Т. Текст как наркотик. Интервью с В. Сорокиным // «Это просто буквы на бумаге...». Владимир Сорокин: после литературы : сб. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 649–655.
16. 任光宣, 文学是最烈的毒品 – 俄罗斯作家索罗金访谈录 [J]. 外国文学动态, 2012, 第6期, 8-10页 (Жэнь Гуансюань. Литература – самый сильный наркотик: интервью с русским писателем В. Сорокиным // Динамика зарубежной литературы, 2012. № 6. С. 8–10).
17. Сорокин В. Мы все отравлены литературой : интервью. URL: <https://srkn.ru/interview/arba.shtml> (дата обращения: 01.01.2004).

Поступила в редакцию 02.06.2022; одобрена после рецензирования 02.07.2022; принята к публикации 21.09.2022
The article was submitted 02.06.2022; approved after reviewing 02.07.2022; accepted for publication 21.09.2022